

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Международному экологическому праву 175 лет

*Копылов М.Н.**

*Копылов С.М.***

*Мишланова В.А.****

Статья посвящена истории становления и тенденциям развития международного экологического права в связи с отмечающимся 2 августа 2014 г. его 175-летним юбилеем. В ней рассматриваются основные подходы и принципы, используемые юристами-международниками для выделения в истории международного экологического права его основных этапов и эр. Подробно анализируются основные события и документы, определившие магистральные пути развития международного экологического права на каждом этапе его развития. Ставится вопрос о том, что «эра Рио» в конце XX в. подходит к закату, и на ее месте зарождается новый этап, получивший в доктрине условное название «энергетическая/климатическая эра». Выявлены основные недостатки, которые сопровождают весь процесс прогрессивного развития и кодификации международного экологического права, равно как и его специальных принципов, и предлагаются варианты и пути их решения.

* Копылов Михаил Николаевич – д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права юридического факультета РУДН, академик РАЕН, РЭА и МАНЭБ. mikhail.kopylov11@gmail.com.

** Копылов Станислав Михайлович – к.ю.н., доцент кафедры международного права юридического факультета РУДН. ksmfiles@gmail.com.

*** Мишланова Валерия Андреевна – студент юридического факультета РУДН. mishlanova.valeria@gmail.com.

Ключевые слова: международное экологическое право; периодизация истории; «Стокгольмская эра»; ЮНЕП; «энергетическая/климатическая эра».

Хорошо известно, что Указом Президента Российской Федерации от 10.08.2012 №1157 2013 г. был объявлен годом охраны окружающей среды. И хотя среди 11 мероприятий, за проведение которых Правительство РФ (распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.11.2012 №2189-р) возложило ответственность на Росприроднадзор, отсутствуют совещания, имеющие отношение к международно-правовым обязательствам РФ по международным экологическим соглашениям, да и в целом к достигнутым успехам и имеющимся недостаткам в этой отрасли международного права, мы посчитали необходимым посвятить настоящую статью наиболее актуальным и жизненно важным проблемам международного экологического права, взглянув на них в исторической ретроспективе, во-первых, поскольку все они непосредственно связаны с тематикой названных в Распоряжении Правительства мероприятий, и, во-вторых, поскольку 2 августа 2014 г. исполняется 175 лет со дня зарождения этой отрасли международного права.

Сегодня можно ответственно утверждать, что как в отечественной, так и в зарубежной юридической литературе существует почти полное единодушие в отношении даты зарождения международного экологического права – 2 августа 1839 г., когда была подписана двусторонняя Конвенция о ловле устриц и рыболовстве у берегов Великобритании и Франции¹. Единственным известным авторам исключением из этого консенсуса является точка зрения доцента школы права Мельбурнского университета Жаклин Пил, которая за момент отсчета первого этапа в истории международного экологического права берет принятое в 1890-е гг. решение Арбитража по делу о морских котиках Берингова моря (1893 г.)².

Даже профессор международного права Университетского колледжа Лондона (*University College London*) Филипп Сандс, известный своими публикациями по различным вопросам международного экологического права³, который посвятил отдельную главу в своей наиболее известной монографии истории международного экологического права, среди ранних конвенций в области рыболовства отдельно указывает на Конвенцию 1839 г., говоря о зарождении этой отрасли.

Анализ приведенных точек зрения, а также международных договоров и соглашений конца XVIII – начала XIX вв. позволяют нам принять за начало первого этапа в истории развития международного экологического права 2 августа 1839 г. Принятая в этот день Двусторонняя Конвенция о ловле устриц и рыболовстве у берегов Великобритании и Франции устанавливала правила рыболовства в проливе Ла-Манш и Северном море. В соответствии с ней была образована Смешанная комиссия, которая разрабатывала рекомендации о сроках промысла, районах лова. По рекомендации Комиссии Великобритания и Франция в 1843 г. утвердили правила рыболовства за пределами трехмильных территориальных вод.

Заклученный за 85 лет до этого в Ваприо 17 августа 1754 г. Договор между ее величеством Императрицей Австрии, выступающей как Герцогиня Милана, и ее светлостью Республикой Венеция об определении границ относительно свободного течения вод пограничной реки Олио и использования их для рыболовства⁴ явился лишь единичным событием, не положившим начало системному подходу в договорном регулировании охраны живых ресурсов трансграничных водотоков. В нем вопросы рыболовства рассматривались как сопутствующие решению главной проблемы – определению границ относительно свободного течения вод пограничной реки Олио.

Гораздо большие разногласия в доктрине международного экологического права можно встретить относительно даты окончания первого этапа и начала второго этапа (т.н. достокгольмской эры) в истории международного экологического права. Более того, А.Ч. Кисс и Д. Шелтон вообще объединяют эти два периода в один этап⁵, что, правда, можно отчасти объяснить годом опубликования их совместной работы.

Так, например, Ф. Сандс связывает окончание первого этапа и начало второго с созданием ООН, т.е. с 1945 г.⁶ Аналогичной точки зрения придерживается Ж. Пил⁷.

Профессор К.А. Бекашев предлагает началом второго этапа истории международного экологического права (а, следовательно, окончанием первого этапа) считать 1948 г., когда были проведены первые специализированные международные конференции ООН и когда, в частности, был учрежден Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП)⁸.

Авторы настоящей статьи полагают, что сегодня в условиях активизации процесса реформирования ООН уже недостаточно просто

констатировать отсутствие в ее Уставе указаний на экологическую компетенцию и на то, что «экологическая проблематика бесспорно может быть отнесена как к категории проблем гуманитарного, так и экономического характера, если придерживаться предлагаемой Уставом классификации»⁹.

С учетом того, что второй этап в истории международного экологического права характеризуется укреплением институциональной основы международного природоохранного сотрудничества, предлагаем его началом считать дату проведения в Нью-Йорке первой конференции ООН по проблемам окружающей среды – Конференции ООН по сохранению и утилизации ресурсов 1949 г. Решение о ее созыве содержалось в резолюции 32 (IV) ЭКОСОС ООН 1947 г.

Несмотря на то, что Конференция 1949 г. не была уполномочена принимать решения и рекомендации, а должна была стать форумом для обмена идеями и информацией, она по существу заложила основы, а также определила перспективы и направления деятельности ООН в области охраны окружающей среды. Конференция подчеркнула необходимость международных действий для установления сбалансированного подхода к управлению и сохранению природных ресурсов. Именно эта Конференция заложила начало всем мероприятиям в области охраны окружающей среды в рамках ООН, среди которых особо можно отметить Конференцию ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 1972 г.), Конференцию ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), Всемирную встречу на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002 г.) и Конференцию ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 2012 г.).

Вопросы, которые обсуждались на Конференции ООН по сохранению и утилизации ресурсов почти через 50 лет оказались в повестке дня Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. Уже на этой ранней стадии взаимоотношение между сохранением и развитием рассматривалось в качестве центральной темы. Дискуссии велись в основном вокруг трех проблем: о соотношении между сохранением и использованием; о необходимости разработки стандартов, обеспечивающих сохранение; и о соотношении между сохранением и развитием¹⁰.

Следующие события определили характерные черты, свойственные этому этапу:

– заключение в Париже 19 марта 1902 г. Конвенции по защите конкретных видов птиц, полезных в сельском хозяйстве. Принятие Конвенции было продиктовано стремлением остановить истребление тех видов животных, которые считались полезными и неопасными для человека. Одновременно договор поощрял уничтожение животных, признанных вредными для человека, в частности львов, леопардов, крокодилов и ядовитых змей.

Критерием защиты было избрано краткосрочное использование, сиюминутная полезность защищаемых видов. Значение других птиц для экосистем, особенно охотников на грызунов, полностью игнорировалось.

– подписание США, Великобританией, Россией и Японией 7 июля 1911 г. Вашингтонской конвенции о сохранении и защите морских котиков.

Она, так же как и Конвенция 1902 г., имела откровенно утилитарный характер. Конвенция объявила район открытого моря, расположенный к северу от 30 с.ш., включая Берингово море, запретным для охоты на морских котиков (ст. I).

Основу Конвенции 1911 г. составляли следующие три базовых ее положения:

- запрет на охоту на морских котиков в открытом море;
- предоставление юрисдикции США на управление береговой охотой. В обмен на это другим участникам Конвенции гарантировались выплаты и (или) определенный процент шкур морских котиков (ст. XI – XIV);
- из сферы действия ограничений, налагаемых Конвенцией, исключались представители коренного населения, занятые охотой в некоммерческих целях с применением традиционных видов орудий (ст. IV).

Сразу после вступления Конвенции в силу (14 декабря 1911 г.) США объявили пятилетний мораторий на охоту на морских котиков, который сыграл важную роль в восстановлении поголовья этих животных.

Действие Конвенции 1911 г. было сначала приостановлено, а затем и прекращено Второй мировой войной.

– проведение в Берне 17 – 19 ноября 1913 г. хронологически первой межправительственной Конференции по международной охране природы (участвовали 17 государств, включая Россию). На ней впервые на межгосударственном уровне прозвучала идея необходимости международного сотрудничества для защиты окружающей среды.

Участники Конференции учредили Совещательную комиссию, полномочия которой касались сбора, обобщения и опубликования всех данных о состоянии природы мира и ее охране, а также пропаганды международной охраны природы.

Такое половинчатое решение основной задачи было обусловлено тем, что мнения участников разделились. Одни государства (Россия, Швейцария и др.) стремились к созданию международного органа, который обладал бы правом разрабатывать международные соглашения и следить за их выполнением. Другие не были готовы наделить международный орган широкими полномочиями в сфере охраны окружающей среды.

К сожалению, в связи с началом Первой мировой войны Международный акт об учреждении межправительственной комиссии так и не вступил в силу. Однако усилия участников Бернского конгресса не прошли даром: в 1922 г. появился Международный совет по охране птиц, в 1923 г. было учреждено Международное общество по охране зубра, в 1929 г. был создан Постоянный комитет по охране природы Тихого океана, а в 1935 г. в Брюсселе возникло Международное бюро по охране природы, в задачи которого входило ведение реестра национального природоохранного законодательства и национальных парков и заповедников¹¹.

– принятие в 1930-е гг. двух международно-правовых актов, которые ознаменовали появление чисто экологических подходов, явившихся предшественниками современных экологических концепций: Лондонской конвенции об охране флоры и фауны в их естественном состоянии на Африканском континенте 1933 г. и Вашингтонской конвенции о защите окружающей среды и сохранении дикой природы в западном полушарии 1940 г.

Лондонская конвенция 1933 г. действовала в отношении колониальной Африки, за исключением территории метрополий (ст. 1). Она предусматривала создание национальных парков, строгую защиту некоторых видов диких животных, регулирование экспорта охотничьих трофеев и запрет на некоторые способы охоты. Она также призывала к осуществлению мер по одомашниванию диких животных, представляющих экономический интерес (ст. 7(8)), и разрешала принятие дополнительных мер защиты в отношении животных и растений, которые, «по всеобщему признанию, являются полезными для человека или представляют научный интерес» (ст. 8(4)).

Вашингтонская конвенция 1940 г., подобно Лондонской, предусматривала создание заповедников и защиту диких животных и растений, особенно мигрирующих птиц, хотя в целом многие положения этого документа являлись более общими и менее ограничивающими по сравнению с Лондонской конвенцией.

– принятие 11 марта 1941 г. Международным арбитражным трибуналом решения по делу «Трейл Сметтер» (США против Канады)¹².

Это решение сыграло важную роль в становлении следующих принципов международного экологического права: принципа недопустимости трансграничного загрязнения окружающей среды за пределами юрисдикции государства; принципа оперативной и адекватной компенсации в связи с опасными видами деятельности; принципа проведения оценки воздействия деятельности, способной привести к значительным трансграничным отрицательным последствиям для окружающей среды (процедуры ОВОС).

Таким образом, на первом этапе предпринимались разрозненные усилия на двустороннем субрегиональном и региональном уровнях по защите и сохранению отдельных объектов живой природы. Усилия проводимых конференций не координировались, и они не пользовались поддержкой правительств. Хотя в этот период и было проявлено государствами определенное внимание к экологическим вопросам, выразившееся в заключении более 10 региональных международных соглашений, тем не менее удалось в какой-то мере решить лишь частные, локальные проблемы, а международные экологические отношения регулировались главным образом международными обычаями.

Второй этап, который иногда еще называют **«достокгольмской эрой»**, берет свое начало в 1949 г. Он характеризуется укреплением институциональной базы международного природоохранного сотрудничества, что связано главным образом с созданием ООН и ее специализированных учреждений, а также с образованием целого ряда международных неправительственных экологических организаций, ведущая роль среди которых принадлежит учрежденному в 1948 г. МСОП¹³.

Внимание международного сообщества к экологическим вопросам в этот период было приковано к довольно узко определенным экологическим проблемам, таким как предотвращение определенных видов загрязнения и сохранение конкретных видов диких животных. Именно в этот период многие специализированные учреждения ООН, а также

ряд региональных международных межправительственных организаций, которые не были специально созданы для решения экологических проблем, обратили свое внимание на область охраны окружающей среды в связи со своей основной (профильной) деятельностью.

Африка, в частности, дает следующий пример, относящийся к сфере международного экологического права и отражающий широко распространенную в то время точку зрения, согласно которой ухудшение окружающей среды является, прежде всего, результатом промышленного загрязнения и, следовательно, имеет отношение к странам «Севера». 15 сентября 1968 г. главы государств и правительств ОАЕ подписали Африканскую конвенцию о сохранении природы и природных ресурсов, которая заменила собой Лондонскую конвенцию 1933 г. Она явилась примером комплексного подхода к проблеме защиты окружающей среды и закрепила два принципиально новых момента: признание необходимости защищать среду обитания находящихся под угрозой исчезновения видов наравне с защитой и самих таких видов и заявление об особой ответственности тех государств, чья территория является единственным местом обитания редких видов.

Таким образом, в «достокгольмскую эру» продолжали формироваться элементы «кодекса» охраны окружающей среды. Этому в немалой степени способствовала и накопившаяся к тому времени судебная практика, которая содействовала становлению новых принципов международного экологического права либо уточнению содержания уже сложившихся.

Так, казус с японским рыболовецким траулером «Фукуру-Мару» («Счастливый дракон») в 1954 г. не только привлек внимание мировой общественности к теме радиоактивного заражения местности и последствиям ядерных взрывов для планеты, но и внес уточнение в понимание принципа запрета трансграничного загрязнения окружающей среды, распространив трансграничность на ситуации, не связанные с перемещением поллютантов именно через государственные границы.

Мобилизация общественного мнения в этот период не имела себе аналогов в истории по двум причинам: во-первых, это движение изначально зародилось в глубинных слоях общества и лишь гораздо позднее получило официальную поддержку нескольких государств, принявших экологические программы; во-вторых, это движение с самого начала было интернациональным.

Начало третьего этапа («Стокгольмская эра») многие исследователи справедливо связывают с проведением в 1972 г. в Стокгольме Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды и учреждением по ее рекомендации Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в качестве вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН, призванного координировать усилия международных организаций и государств в сфере международного природоохранения и перевести его на качественно новый уровень всей системы ООН¹⁴.

Из 26 принципов Стокгольмской декларации следующие три имели наиболее общее значение для всей отрасли международного экологического права: Принцип 21 (запрет трансграничного загрязнения окружающей среды), Принцип 22 (ответственность) и Принцип 24 (международное сотрудничество)¹⁵.

В этот период, длившийся почти два десятилетия¹⁶, расширяется и углубляется международное природоохранное сотрудничество, заключаются конвенции по вопросам, в глобальном урегулировании которых заинтересовано все человечество, обновляются ранее принятые международные договоры и соглашения, активизируется работа по официальной и неофициальной кодификации отраслевых принципов международного экологического права. К этому же периоду относится появление в международном экологическом праве такой новой предметной области как отношения по обеспечению международной экологической безопасности¹⁷.

Именно в этот период нарастает тенденция рассматривать окружающую среду более целостно.

Стокгольмская конференция стала прототипом волны крупных международных конференций, иногда называемых «глобальными городскими совещаниями», сосредоточивающих внимание всего мира на важнейших международных вопросах.

В 1980-е гг. перед мировым сообществом во весь рост встала еще одна глобальная проблема – проблема кризиса внешней задолженности развивающихся государств. Поиск выхода из сложившейся тупиковой ситуации привел к появлению в практике международных отношений т.н. договоров об обмене части внешнего долга на экологические программы и проекты (“*Debt-for-Nature Swaps*”)¹⁸. Их появлению развивающиеся страны были обязаны Всемирному фонду дикой природы, который начал их заключать с 1987 г., используя свои филиалы в США.

Практика выработала три типа договоров об обмене: коммерческие, или трехсторонние; двусторонние и многосторонние. С помощью двусторонних и многосторонних договоров об обмене в период с 1987 по 2010 г. на цели охраны окружающей среды было направлено 900 млн. долларов США.

Развивающиеся страны скептически отнеслись к новой экологической повестке дня, поскольку для них более насущными приоритетами были их собственное экономическое развитие и сокращение бедности. Они также были обеспокоены тем, что презумпция конечности ресурсов Земли и их быстрого истощения или деградации станет основанием для того, чтобы отказаться от своего более высокого уровня развития и потребления. Таким образом, развивающиеся страны отказались вступить в серьезный диалог по экологическим вопросам, представляющим интерес для индустриально развитых стран, без гарантий того, что новые международные экологические инициативы не будут реализованы за счет их законного стремления к экономическому росту, а также не заморозят неравенство в распределении богатств в мире.

Все это привело к тому, что к моменту окончания «Стокгольмской эры» разработка двух чрезвычайно актуальных и жизненных проблем международных отношений – экологической и экономической – пошла по двум самостоятельным направлениям, вместо того, чтобы рассматриваться как единое целое.

Четвертый этап, который иногда называют «эрой Рио-де-Жанейро», берет начало с Конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая проходила в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в июне 1992 г. Именно с ней и с принятыми на ней документами связан перевод международного природоохранного сотрудничества на рельсы социоприродного развития.

По замыслу Конференция Рио должна была не только провозгласить идеологию устойчивого развития, но и положить начало тесному сотрудничеству между основными секторами современного человечества – государственной властью, бизнесом и общественностью – в едином стремлении к реализации идей устойчивого развития и глобального партнерства.

Проблемы, получившие наибольшее внимание в этот период, включали истощение озонового слоя, глобальное изменение климата, вырубку тропических лесов, утрату биологического разнообразия и распространение пустынь.

Международное научное сообщество использовало понятие «глобальное изменение», чтобы обратить внимание на то, каким образом деятельность человека оказывает воздействие на основное функционирование биосферы Земли.

Наконец, в целях разрешения международных экологических споров стали создаваться соответствующие институциональные механизмы. В июле 1993 г. в составе Международного суда ООН была создана камера по экологическим вопросам из семи судей¹⁹, а в 1994 г. был учрежден Международный суд экологического арбитража и примирения, являющийся неправительственной организацией²⁰.

Говоря о становлении международного экологического правосудия в рассматриваемый период времени, нельзя обойти вниманием дело о гидроузле «Габчиково – Надьмарош»²¹ (Венгрия против Словакии). В данном деле Международный суд впервые ссылаясь на концепцию устойчивого развития, подтвердив тем самым, что концепция носит не абстрактный, а нормативный характер. Выводы по делу о гидроузле «Габчиково – Надьмарош» подтвердили обязательность Принципа 17 Декларации Рио о необходимости проведения процедуры ОВОС. Международный суд признал концепцию «экологической необходимости» и потребность непрерывного учета экологических рисков в свете экологических стандартов при реализации промышленных проектов. Также впервые в решении Международного суда прозвучал принцип денежной компенсации исключительно за экологический ущерб²².

К началу XXI в. «эра Рио» подходит к закату и ей на смену приходит новая эра, которую в юридической литературе иногда называют «энергетическая/климатическая эра»²³. Начинается третья волна «экологизации» международных отношений, которая была вызвана, в частности, тем, что темпы глобального изменения климата превысили ожидания и что в различных частях мира наглядно проявилось разнообразное и разрушительное воздействие изменения климата. В последние годы многие индустриально развитые страны усилили свои попытки снизить эмиссию «парниковых» газов для достижения ограничений, о которых они договорились в Киотском протоколе 1997 г. Переговоры о следующей фазе международных усилий для решения проблемы изменения климата начались в декабре 2007 г. на конференции на Бали, где была принята дорожная карта для дальнейших переговоров в направлении нового договора о глобальном изменении климата, который должен был быть принят в Копенгагене в декабре 2009 г.²⁴ Противостояние

вопросам, поставленным глобальным изменением климата, требует фундаментального перехода от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии и «зеленым» технологиям. Именно необходимость такого реформирования энергетического сектора во многом предопределила неудачное завершение всех состоявшихся после Копенгагенской конференции Конференций Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г.

Среди наиболее важных промежуточных решений относительно будущей архитектуры борьбы с глобальным изменением климата можно назвать Решение по Зеленому климатическому фонду, которое касалось технических аспектов его функционирования, а вот откуда возьмутся в этом Фонде обещанные 100 млрд. долларов США, так и осталось неясным.

Сегодня планета движется по сценарию роста глобальной температуры на 4 С, в то время как для предотвращения наиболее катастрофических и необратимых изменений климата, по мнению экспертов, необходимо удержаться в рамках роста температуры не более чем на 2 С. Для этого, согласно рекомендациям МГЭИК, необходимо снизить глобальные выбросы на 25-40% к 2020 г. и на 50-80% к 2050 г.

Если попытаться вкратце подвести итоги без малого двухвековому развитию международного экологического права, то можно обнаружить как несомненные достижения этой отрасли международного права в решении сложных экологических проблем, так и откровенные провалы, существенно ухудшающие экологическую обстановку на нашей планете и способствующие дальнейшему сползанию человечества в экологическую катастрофу.

Казалось бы, было достаточно времени для того, чтобы решить если не все, то уж большинство стоящих перед человечеством экологических проблем. Ведь удалось же мировому сообществу куда за более короткие сроки в рамках международного космического права создать международно-правовую базу сотрудничества в области исследования и использования космического пространства.

Но на практике бороться с экологическими вызовами и решать экологические проблемы оказалось не так просто, хотя в 1970-е гг., когда активизировалось международное природоохранное сотрудничество, многие западные ученые связывали это с тем, что международные экологические отношения представляют собой наименее политизированную область. На деле же такая активизация совпала с учреждением

на Стокгольмской конференции по проблемам окружающей человека среды в 1972 г. не полноценной международной межправительственной экологической организации, а лишь ЮНЕП. Да и в рамках ЮНЕП в 1977 г. был упразднен Совет по координации, что было связано, в первую очередь, с большим количеством военно-экологических тайн, которые государства стремились сохранить в секрете.

Отдавая отчет в том, что в то время мировое сообщество еще не созрело создать полноценную универсальную межправительственную экологическую организацию, отметим, что такое решение, принятое в 1972 г., во многом и сегодня препятствует реализации на практике многочисленных предложений по реорганизации ЮНЕП в полноценную международную организацию, необходимость в которой уже давно созрела²⁵. Существующие сегодня около 60-ти международных организаций, в той или иной степени наделенных экологической компетенцией, зачастую дублируют друг друга и порой принимают противоречащие друг другу решения.

Если попытаться представить историю развития международного экологического права схематично, то она будет выглядеть следующим образом: сначала государства обратили свое внимание на рыбные ресурсы Мирового океана и пресноводных трансграничных водотоков. В результате появилось множество международных договоров и конвенций, посвященных этой проблеме. После этого стали заключаться договоры, предметом которых уже стали в целом фауна и флора (биота). Следующим шагом стала борьба с загрязнением окружающей среды с помощью правовых норм. И, наконец, начиная с Конференции ООН по сохранению и утилизации ресурсов 1949 г., вот уже более 60-ти лет внимание мирового сообщества сосредоточено на проблемах устойчивого развития, или точнее сказать, на проблемах эколого-бескризисного социально-экономического развития.

В результате была создана достаточно разветвленная система универсальных, региональных, субрегиональных и двусторонних международных договоров и соглашений, в рамках которой сегодня и осуществляется международное сотрудничество в области охраны окружающей среды.

Но и на этом пути государствам не удается обойтись без ошибок.

В частности, вырабатывая, порой параллельно, международные договоры по отдельным глобальным экологическим вопросам, участники нормотворческого процесса не принимают в расчет достижения

и успехи друг друга. В результате появляются на свет международные договоры, базовые принципы которых не сочетаются между собой, а порой просто противоречат друг другу. В качестве примера можно привести принятые в 1992 г. Рамочную конвенцию ООН об изменении климата и Конвенцию о биологическом разнообразии. Как результат, реализация принципов одного из названных документов ведет к подрыву основ достижения целей другого²⁶.

Похожую ситуацию можно наблюдать и в отношениях между Конвенцией о биологическом разнообразии и не вступившим пока в силу Нагойским протоколом регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения 2010 г., – с одной стороны, и Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение по ТРИПС) – с другой.

Наконец, до сих пор не определен круг специальных принципов международного экологического права и их юридическое содержание, что имеет самое прямое отношение к кодификации данной отрасли международного права. Еще в 1972 г. мандатом на осуществление кодификации международного экологического права была наделена ЮНЕП. Однако до сих пор Программе не удалось разрешить данную проблему. В этих условиях инициативу на себя взял МСОП, который к 1995 г. завершил разработку проекта Международного Пакта по окружающей среде и развитию, существующего в настоящее время в 4-ой редакции от 22 сентября 2010 г. В этом документе были обобщены и систематизированы международно-правовые принципы из действующих международных договоров и источников т. н. мягкого права, что позволяет рассматривать его в качестве серьезной базы для продолжения работы в этом направлении.

Нерешенным в международном экологическом праве остается и вопрос о создании специализированного Международного экологического суда²⁷. Конечно, создать такой суд будет непросто. С одной стороны, уже имеющиеся органы международного правосудия вряд ли охотно пойдут на то, чтобы передать часть своей компетенции вновь создаваемому судебному учреждению. С другой же стороны, серьезные трудности возникнут на этапе подготовки судей для работы в таком суде. Они должны будут обладать не только юридической подготовкой, но и знаниями в области экологии. Кстати сказать, с подобного рода трудностями Россия сталкивается и в своей национальной судебной

системе, где отсутствуют и, судя по всему, не предвидятся специальные экологические суды. Между тем, в тех же США в каждом штате имеются такие суды, и что более важно – около 80% экологических споров разрешаются в досудебном порядке.

Наконец, нельзя обойти вниманием и тот факт, что к разработке глобальной стратегии международного экологического управления государства приступили лишь в последнее десятилетие XX в., что не позволяет авторам настоящей статьи говорить о наличии какого-то единого глобального международного режима экологического управления²⁸. Как отмечают отдельные ученые, сегодня в мире насчитывается около дюжины порой совершенно не скоординированных международных режимов, которые в определенной мере сnivelировали наметившиеся в 1970-1980-е гг. центробежные тенденции систем национальных государств²⁹. При этом под понятием «международный режим» понимается сочетание международных учреждений, обычных норм и принципов, а также резолюций и формальных договоров, предписывающих действия государств в отношении конкретного предмета, проблемы или региона³⁰.

International Environmental Law is 175 Years Old (Summary)

*Mikhail N. Kopylov**

*Stanislav M. Kopylov***

*Valeria A. Mishlanova****

The article deals with the history and trends of development of the international environmental law in connection with its 175th anniversary, which is celebrated on August 2, 2014. It discusses the basic principles and approaches used by international lawyers to highlight in the history of the international environmental law, its main stages and eras. The major events and documents that shaped the development of the main ways of international environmental law at every stage of its development are analyzed in detail. The question is asked, whether “the era of Rio” is coming to its sunset at the end of XX century, and whether a new so-called “energy/climate era” is emerging in its place. The basic disadvantages that accompany the process of progressive development and codification of the international environmental law, as well as its special principles, are identified and options and solutions are provided.

Keywords: international environmental law; periodization of history; “Stockholm era”; UNEP; “Energy/Climate Era”.

* Mikhail N. Kopylov – Doctor of Laws, professor, professor of the department of international law of the Russian Peoples’ Friendship University; academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Russian Ecological Academy and International academy of sciences of ecology and life safety. mikhail.kopylov11@gmail.com.

** Stanislav M. Kopylov – Ph.D. in law, associate professor of the department of international law of the Russian Peoples’ Friendship University. ksmfiles@gmail.com.

*** Valeria A. Mishlanova – undergraduate student of the faculty of law, Russian Peoples’ Friendship University. mishlanova.valeria@gmail.com.

- ¹ См.: Convention between Her Britannic Majesty and the King of the French, defining and regulating the limits of the exclusive right of the Oyster and other Fisheries on the Coasts of Great Britain and of France, Signed at Paris, 2nd August, 1839//A Complete Collection of the Treaties and Conventions, and Reciprocal Regulations at Present Subsisting Between Great Britain and Foreign Powers, and of the Laws, Decrees, and Orders in Council, Concerning the Same, as Far as They Relate to Commerce and Navigation; and to the Repression and Abolition of the Slave Trade; and to the Privileges and Interests of the Subjects of the High Contracting Parties/compiled by L. Hertslet. – London, 1840. – Vol. 5. – P. 86-94.
- ² См.: Peel J. Environmental Protection in the Twenty-first Century: The Role of International Law//The global environment, Institutions, Law, and Policy/R.S. Axelrod, S.D. VanDeveer, D.L. Downie (eds). – Third edition. – Wash. DC, 2011. – P.48
- ³ См., например: Sands Ph. Principles of International Environmental Law. – Second edition. – Cambridge: Cambridge University press, 2003. – P. 26-30.
- ⁴ International Protection of the Environment: Treaties and Related Documents. Second series: continuation of volumes I-XXX (1754-1981)/B.Simma, B.Rüster (eds). – N.Y.: Oceana Publications, 1990-1995.
- ⁵ См.: Kiss A., Shelton D. International environmental law. – Ardsley-on-Hudson, 1991. – P. 55-60.
- ⁶ См.: Sands Ph. Principles of International Environmental Law. – Second edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 26-30
- ⁷ См.: Peel J. Environmental Protection in the Twenty-first Century: The Role of International Law//The global environment, Institutions, Law, and Policy/R.S. Axelrod, S.D. VanDeveer, D.L. Downie (eds). – Third edition. – Wash. DC, 2011. – P.53
- ⁸ См.: Бекашев К.А. О роли ООН в кодификации и прогрессивном развитии международного экологического права//Труды МГЮА. – М., 1997. – № III. – С.146-152.
- ⁹ Международные организации: учебник/под ред. И.П. Блищенко. — Изд-во РУДН, 1994. – С. 277.
- ¹⁰ Подробнее см.: Копылов М.Н., Копылов С.М. Забытые факты из истории международного экологического права: конференция ООН по сохранению и утилизации ресурсов 1949 г.//Евразийский юридический журнал. – 2013. – №10 (65) – С. 5-9
- ¹¹ Подробнее см.: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Первая международная экологическая конференция – Конференция по международной охране природы (Берн, 1913 г.)// Экологическое право. – 2006. – N 4. – С. 2-4.
- ¹² Подробнее см.: Международное право. Практикум/под ред. А.Н. Вылегжанина, А.Я. Капустина, М.Н. Копылова. – М.: Юрис Пруденс, 2011. – С. 308-319.
- ¹³ См.: Копылов М.Н. Вклад Международного союза охраны природы и природных ресурсов в кодификацию и прогрессивное развитие международного экологического права//Московский журнал международного права. – 2003. – N 2 (50). – С. 228 – 244.
- ¹⁴ См.: Копылов М.Н. ЮНЕП – 35 лет. Сколько еще?//Московский журнал международного права. – 2007. – № 2 (66). – С. 153-170.
- ¹⁵ См., например: Копылов М.Н. Принципы международного сотрудничества глазами юриста-эколога//Вестник РУДН, сер. юрид. науки. – М., 2005. – № 2. – С. 116-124 .
- ¹⁶ Некоторые ученые полагают, что этот период заканчивается, а значит и начинается следующий не в 1992 г., а в 1986-1987 гг., когда Международная комиссия по окружающей среде и развитию (МКОСР) завершила работу над докладом «Наше общее будущее». – См., например: Мохаммад С.А. Международное экологическое право

в исторической ретроспективе//Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 8 (39). – С. 44-49. Кроме того, М.С. Сорус не только полагает, что «Стокгольмская эра» заканчивается в 1986 г., но и что она начинается в 1968 г., когда поднялась первая экологическая волна и когда Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 2398 от 3 декабря 1968 г., содержащую решение о созыве в 1972 г. Стокгольмской конференции. – См.: Soroos M.S. *Global institutions and the environment//The global environment, Institutions, Law, and Policy*/R.S. Axelrod, S.D. VanDeveer, D.L. Downie (eds). – Third edition. – Wash. DC, 2011. – P. 22-24.

¹⁷ Подробнее см.: Копылов М.Н. О предмете международного экологического права// Актуальные проблемы развития экологического права в XXI веке: Труды Института государства и права РАН/Отв. ред. М.М. Бринчук, О.Л. Дубовик. – М., 2007. – С. 83-92; Тимошенко А.С. Экологическая безопасность и международное право. – В кн.: Советский ежегодник международного права, 1988. – М.: Наука, 1989. – С. 23–38.

¹⁸ Подробнее см.: Копылов М.Н., Басырова Е.Р. Договоры об обмене части внешнего долга на экологические проекты (“debt-for-nature swaps”): благо или угроза неотъемлемому суверенитету над природными ресурсами?//Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 12 (43). – С. 26-31.

¹⁹ В 2006 г. по решению Председателя Международного суда ООН Розалин Хиттинг камеру закрыли за ненадобностью, поскольку за 13 лет существования ее услугами никто не воспользовался.

²⁰ Подробнее см.: Колбасов О.С. *Международный экологический суд//Государство и право*, 1996. – №5. – С. 158-159.

²¹ См.: *Case Concerning the Gabcikovo – Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*//I.C.J. Reports, 1997. P. 7.

²² См.: *Международное право. Практикум: Учебное пособие/под ред. А.Н. Вылегжанина, А.Я. Капустина, М.Н. Копылова*. С. 330 – 335.

²³ См.: Friedman Th. *Hot, Flat, and Crowded: Why We Need a Green Revolution and How It Can Renew America*. N.Y., 2008. P. 27.

²⁴ Подробнее см.: Копылов М.Н., Емельянова Н.Н. Борьба с изменением климата – вклад в поддержание глобальной безопасности//Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 9 (40). – С. 32-40.

²⁵ См.: Нужна ли сегодня универсальная международная межправительственная экологическая организация?//Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 9-10 апреля 2010 г./под ред. А.Х. Абашидзе, М.Н. Копылова, Е.В. Киселевой. – М.: РУДН, 2011. – Ч. 1. – С. 235-240; Соколова Н.А. На пути к созданию Всемирной организации по окружающей среде//*Lex Russica* (Научные труды Московской государственной юридической академии). – 2007. – №6. – С. 1141-1152.

²⁶ Подробнее см.: Шайдуллина А.А. *Международно-правовая охрана биологического разнообразия в условиях меняющегося климата//Международное право – International Law*. – 2011. – №1-2 (45-46). – С. 304-308; Шайдуллина А.А. Возможно ли успешное взаимодействие между международно-правовым режимом сохранения биологического разнообразия и международно-правовыми нормами в области борьбы с глобальным изменением климата//*Вестник Московского государственного открытого университета*. – 2011. – №3 (45). – С. 40-45.

²⁷ Подробнее см.: Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право перед вызовами современности (Международный экологический суд)//Евразийский юридический журнал. – 2013. – №3 (58). – С. 53-56.

²⁸ См., например: Международное экологическое право/отв. ред. Р.М. Валеев – М.: Статут, 2012. – Гл. 5.

²⁹ Подробнее см.: Мохаммад С.М.А. Международные режимы в международном экологическом управлении/под ред. М.Н. Копылова. – М.: АДС Групп, 2013.

³⁰ См.: Young O. International Governance: Protecting the Environment in a Stateless Society. – N.Y.: Cornell University Press, 1994; Hempel L.C. Environmental Governance: The Global Challenge. – Wash.: Island Press, 1996.